

УДК 811.161.1'282

**УТРАТА РЕГУЛЯРНОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ
ДИАЛЕКТНОГО ФОНЕТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ
КАК ПРИЧИНА ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НИЖЕГОРОДСКИХ ГОВОРОВ)**

© 2011 г.

И.В. Толкачёва

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

irzim@list.ru

Поступила в редакцию 24.12.2010

Рассматривается одна из причин появления лексикализованных нерегулярных фонетических явлений в русских говорах. Лексикализованная форма диалектного слова часто является отражением процесса утраты фонетическим явлением своей регулярности.

Ключевые слова: диалектная фонетика, нерегулярные изменения, лексикализация.

В настоящее время в России наблюдается активный процесс урбанизации, и деревня как общественно значимая (и с экономической, и с культурологической точек зрения) часть общества отходит на второй план. Это ведет к уменьшению численности сельского населения и к постепенному угасанию или даже вымиранию отдельных деревень. Тем не менее русские народные говоры служат средством общения примерно для трети населения России. Они разнообразны по своей языковой структуре: друг от друга и от литературного языка отличаются особенностями произношения, способами наименования явлений окружающего мира, спецификой грамматических форм и конструкций. Народная речь хранит особые, не всегда выражаемые литературным языком знания: о традиционном ведении хозяйства, о традиционном русском семейном укладе жизни, о национальных обрядах, обычаях, народном календаре, о том, как в народной традиции понимается человек в мире и сам мир. Именно в языке формируются те основы, из которых складывается такое понятие, как ментальность.

Отношение к русским народным говорам в языковой политике нашего государства за последние сто лет существенно изменилось. Если на рубеже XIX–XX вв. научная и светская общественность была заинтересована в изучении сельского уклада жизни и языка деревни как части национальной культурной самобытности России, то уже в 20–30 гг. XX века начался процесс борьбы с говорами. Это объяснялось, безусловно, политическими установками молодого советского правительства: крестьянство в целом стало рассматриваться как косная масса с

мелкобуржуазным мировоззрением, препятствующая прогрессивному развитию общества; развернулись коллективизация крестьянских хозяйств, борьба с кулачеством и другие реформы сельской жизни [1]. Это не могло не сказаться и на статусе территориальных говоров, которые стали высмеиваться в школах, подаваться как невежественная речь крестьян. За этими нападками терялась красота и стройность диалектной речи в восприятии ее молодыми выходцами из деревень, в которых все больше росла тяга ко всему «городскому». Подобная традиция негативного отношения к народному языку и культуре досталась и современному обществу. В социолингвистическом отношении существенной особенностью современного функционирования территориальных говоров стала новая специфика языкового сознания их носителей: у большинства сельских жителей отношение к диалекту как к единственному и естественному средству общения замещается отчетливо выраженной ориентацией на литературный язык, оценкой его как более престижной коммуникативной подсистемы, а своего говора – как подсистемы социально и функционально ущербной: «*Мы и говорить-то не умеем...; – А кто это у вас на фотографиях таких красиво оформленных? – Да уж красиво! // по-деревенски все!* (с. Белогорное Саратов. обл.)» [1; 2, с. 74–75]; «*Ну, што вам, девчонки, сказать-то? Старые слова-то мы почти уш и не знаем. Вот лопату у нас заступом зовут. А колидор мостом. У меня дочка фсё из института приежжала, жаловалась, мол смеюцца над ней. А в чём тут грех-то, коль мы так говорим?* (д. Рамешки Ковернинского района Нижегородской области).

На современном этапе существования русских народных говоров наблюдается активное взаимовлияние различных диалектов русского языка, их взаимодействие с другими идиомами национального русского языка, в частности, усиливается взаимопроникновение просторечных и диалектных элементов, что приводит к освоению диалектной системой просторечных черт и наоборот. На рубеже XX–XXI вв. ученые-социолингвисты говорят уже не только о территориальных говорах как разновидностях национального языка, обслуживающей сельских жителей пожилого возраста, но и о формировании на базе локальных говоров и просторечия так называемых *полудиалектов* (причем о таком векторе развития диалектов говорили еще в 1970-е годы [3]). Такая языковая система получила возможность существования в результате активных нивелировочных процессов как внутри самих говоров при их взаимодействии, так и под влиянием на диалект литературного языка и просторечия.

Одним из ярких результатов нивелировки диалектных систем становится утрата ими некоторых регулярных особенностей, что проявляется на всех языковых уровнях. Несомненно, самой подвижной подсистемой языка оказывается лексическая. Сами носители говоров осознают уход из активного словарного запаса многих местных слов, замену их литературными: *«Как раньше говорили? Так ведь не так, как теперь. Раньше язык-то богаче был. Вот мы теперь говорим „красиво“, а раньше: „Ој, до чево жэ баско!“. Баско – это значит красиво. А картинки басульками звали. Это от баско – красивые, ну картинки. Я и щас внукам говорю: „Вот, смотрите-ка, басульки!“»* (д. Тарасово Ковернинского района Нижегородской области).

Однако изменения касаются не только лексического уровня. Утрата регулярности проявления некоторых диалектных черт отмечается и на уровне фонетическом. Регулярными языковые явления считаются тогда, когда они наблюдаются в одной и той же позиции (фонетической, грамматической и т.д.) вне зависимости от ее лексического наполнения. Регулярные фонетические особенности говоров являются важными характеристиками фонетических диалектных систем, однако они не охватывают всего многообразия, богатства диалектных явлений. Потеря регулярности ведет к возрастанию роли нерегулярных элементов, процессов, изменений. Нерегулярные особенности не зависят от позиции, проявляются только в отдельных словах или замкнутых группах слов, то есть лексикализуются.

Материалом исследования явились лексемы, тождественные по значению соответствующим словам литературного языка, но отличающиеся от последних своей звуковой оболочкой. Лексемы извлечены нами из картотеки Диалектного словаря Нижегородской области (ДСНО). Анализ наблюдаемых единиц показал, что трансформация внешнего облика части лексем так или иначе обусловлена переходом некогда регулярной диалектной фонетической особенности в разряд нерегулярной, то есть проявляющейся только в ограниченном круге лексем. Остановимся на результатах некоторых из этих процессов:

1. В лексике нижегородских говоров выделяется целая группа лексем, которая имеет произношение *и* на месте *е* из этимологического *ĥ* (здесь и далее знак *ĥ* обозначает древнерусский звук [ĕ], или «ять») под ударением: *виник* «веник», *здися* «здесь», *качилы* «качели», *купиль* «купель», *лннь* «лень», *мисяц* «месяц», *непосидливый* «непоседливый», *цинь* «цепь». Историческими предпосылками изменения ударной фонемы [э] в [и] является судьба древнерусской фонемы *ĥ*, которая, полностью исчезнув в литературном языке, по-разному трансформировалась в русских народных говорах. На большинстве территорий произошел процесс, аналогичный тому, который наблюдается в литературном языке, то есть [ĕ] как гласный верхне-среднего подъема более открылся и реализовался в [э]. В ряде разных говоров – как северновеликорусских, так и в южновеликорусских – фонема [ĕ] сохранила свой особый статус, реализуясь или как «э закрытое», или как дифтонг [ие]. Однако таких говоров, где *ĥ* является полноценной фонемой диалектной фонетической системы, очень немного. В ряде же говоров (в том числе и в некоторых нижегородских) регулярным стало позиционное чередование звуков на месте этимологического *ĥ*: *t'et // t'it'*. Наличие некогда регулярного позиционного чередования в ряде нижегородских говоров доказываются материалами, собранными во время экспедиций диалектологов, а также студентами-заочниками ННГУ. Так, в диалектных материалах 50–70-х годов XX в. в говорах Поветлужья как регулярная особенность отмечается наличие двух видов рефлексии гласных на месте орфографического *е* из *ĥ* под ударением. Установлено, что обычно произносят [э] перед следующим твердым согласным и на конце слова, [и] – между мягкими согласными: [л'эс], [пoxом'эла], [уйэ'хал'и], [пp'ин'эс], [эд'э]; но [на н'эд'ил'ку], [кому н'э л'ин'], [в'ин'ик], [зам'ис'ош] (Ветл., Варн.)¹. В отдельных же населенных пунктах

(р.п. им. Калинина Ветлужского района, на границе с Костромской областью) [и] отмечен во всех позициях: [л'ис], [м'исто], [ст'ины], [св'ит], [фс'им], [гор'илка] «светильник», [зд'и], [фс'и], [р'иц'ка], [бол'ит'], [л'ин']

Материалы экспедиций последних лет (например, в Большевском сельском совете Ветлужского района в 2006 году, где автор принимал непосредственное участие) показывают, что подобная позиционная мена уже практически потеряла в исследуемых говорах свою регулярность. Так, нами было зафиксировано постоянное произношение [и] на месте [э] у нескольких информантов только в словах **здесь**, **веник**; остальные мены носили спорадический характер. Очевидно, такое быстрое угасание регулярной особенности связано с увеличивающимся влиянием литературного языка на диалекты, с уходом из жизни многих людей старшего поколения – носителей исконных ветлужских говоров. Сопоставив территориально зафиксированные в ДСНО лексемы с [и] на месте [э] из «э», обнаруживаем, что их распространение охватывает именно северные районы Нижегородской области, включая Ветлужский и Варнавинский район: **веник** «веник» (Сем., Варн.), **здесь** «здесь» (Шахун., Воскр., Сем., Варн., Ветл., Кр.-Бак.), **купиль** «купель» (Ков.), **лень** «лень» (Кр.-Бак., Сем., Урен.), **месяц** «месяц» (Сем., Воскр.), **цепь** «цепь» (Сем.) (исключение – **непосидливый** «непоседливый» (Город.), **качилы** «качели» (Див.). Безусловно, ареалы фиксации некоторых лексем значительно превосходят границы тех районов, где еще в середине XX века наличие [и] на месте [э] носило регулярный характер, однако необходимо отметить, что все указанные районы Нижегородской области являются соседними, имеют общие границы, поэтому влияние говоров Поветлужья могло происходить как непосредственно (Уренский, Шахунский, Ковернинский, Краснобаковский, Семеновский районы), так и опосредованно (Воскресенский и Городецкий районы). Посредниками во взаимодействии говоров оказывались носители диалекта, например женщины, которые были «взяты замуж» из соседних районов и являлись сами по себе носителями своего родного или уже смешанного говора.

2. В нашем материале наблюдаются случаи замены ударного [а] на [э]: **балалайка** «балалайка» (Шатк.), **жабри** «жабры» (Бут., Ворот.), **крякать** «крякать» (Шаранг.), **куфейка** «куфейка» (Бор.), **магезин** «магазин» (Лыск.), **опеть** «опять» (Сем., Спас., Шатк.), **племенница** «племянница» (Чкал.). Явление изменения

гласного [а] в [э] под ударением между мягкими согласными известно как регулярное в некоторой части русских народных говоров. Будучи чисто фонетическим явлением, это изменение образует две условных территории своего распространения. Во-первых, северо-восточный ареал – преимущественно Вологодская группа говоров, где регулярное изменение [а] в [э] в положении между мягкими согласными известно не только под ударением, но и в первом предударном слоге. Во-вторых, рязанский ареал – небольшая по площади территория, где данное изменение известно только под ударением. Если говоры этих территорий знают фонетическое чередование [а] с [э] независимо от лексики, то в достаточно большом количестве говоров, в том числе и на описанных территориях, ученые отмечают наличие лексикализованных (в полном смысле этого слова) единиц, где мена [а] > [э] напрямую связана с семантикой лексики. Наиболее четкий ареал распространения в русских говорах имеют лексемы **опеть**, **петь**, **мечик** и **племенник** [4].

Из описываемых в научной литературе слов в нашем материале встречаем **опеть** и **племенница** (слово **племенник** не зафиксировано). Происхождение этих лексем объясняется разными причинами: если в изменении [а] > [э] в слове **опеть** играет роль возможная слабая ударность или даже безударность данного слова, то в слове **племенница** это изменение, вероятно, можно видеть в силу образования данной лексемы от иной основы с *e*, а не с *a* (от основы *племен-*) [5, с. 55]. Такие наблюдения подтверждаются и данными лингвогеографии, в которых отмечается распространение слова **опеть** практически на тех же территориях, что и говоры с регулярным изменением [а] > [э], то есть подчеркивается фонетическая основа лексикализованного изменения, тогда как слово **племенник** не имеет достаточно четких общих границ с описанными ареалами, что хотя косвенно поддерживает гипотезу Р.И. Аванесова, но и не противоречит ей [4, с. 19].

Развитие представленного изменения [а] > [э] с исторической точки зрения стало возможным, вероятно, вследствие падения редуцированных. Именно этот процесс, по мнению П.С. Кузнецова, стал основой тенденции более активного продвижения языка вперед, поскольку «смещение гласного *a* вперед и вверх в особенности легко и далеко осуществляется в закрытом слоге, когда на гласный воздействуют с двух сторон мягкие согласные, принадлежащие к тому же слогу, что и гласный... Закрытые же слоги устанавливаются, как известно, лишь в

результате падения редуцированных» [6, с. 134].

Как видно из представленных примеров, практически все лексемы не образуют четкого ареала распространения. Однако большинство из них не противоречат основному условию появления [а] > [э]: движение языка вверх в зону звука [э] происходит только в положении между мягкими согласными: *раньше-то на балалайках играли; вон в магазин пойдём, а там ситца, штапеля, всего полно.*

В анализируемом материале отмечены и две лексемы, где не выполняются условия изменения [а] в [э], то есть данная мена наблюдается не в положении между мягкими согласными, а перед твердым согласным: *жебри* «жабры», *крекать* «крякать». В первом слове изменение происходит в положении перед сочетанием согласных «твердый+мягкий», а значит, можно предположить, что в этом случае данное сочетание воспринимается как мягкий согласный, хотя вероятно и нечеткая фиксация лексемы (собиратель мог не услышать мягкость последующего согласного [б]). Второе слово стоит особняком в кругу рассматриваемых лексем. Предположение о возможном образовании от другой основы (*кре-*), отражающей восприятие звука, издаваемого уткой, кажется весьма сомнительным.

Безусловно, говорить о сохранении в лексемах с описываемым изменением [а] в [э] некогда регулярной фонетической тенденции к продвижению артикуляции из открытой зоны [а] в более переднюю зону [э], думается, неправильно, поскольку территория распространения исследуемых лексем не входит в обозначенные выше ареалы действия регулярного изменения [а] в [э]. Однако единство основы фонетических изменений как в регулярном, так и в нерегулярном плане очевидно.

3. Диалектные особенности в лексикализованном облике некоторых слов находят объяснение в развитии качества отдельных согласных фонем или их сочетаний на разных территориях русского языка. В первую очередь это касается сочетаний с сонорными носовыми согласными. По северновеликорусским говорам распространено до сих пор достаточно регулярное изменение сочетания *вн* в *мн*, носящее ассимилятивный характер. В этом случае образование первого звука приобретает носовой характер и смыкание под влиянием последующего [н]. Однако в среднерусских, да и в части севернорусских, а также спорадически в южновеликорусских говорах регулярность такого изменения или утрачена, или встречается только в лексикализованном варианте, не охватывая всех воз-

можных позиций. Наш материал подтверждает такое положение: *давно* «давно» (Ветл., Воскр., Ков., Сем., Урен.), *деремня* «деревня» (Тонк., Шахун.), *кромный* «кровный» (Тонк.), *мнимание* «внимание» (Город.), *мнук* «внук» (Б.-Мур., Балах., Богор., Бор., Бут., Варн., Ветл., Ворот., Воскр., Выкс., Город., Кн., Ков., Лыск., Нав., Поч., Сем., Серг., Сосн., Тонк., Урен., Чкал., Шаранг., Шахун.), *мнучка* «внучка» (Б.-Болд., Бор., Вад., Ветл., Ворот., Воскр., Город., Кн., Поч., Сем., Серг., Сосн., Тонк., Урен., Чкал., Шахун.), *ополомник* «половник» (Воскр., Ков., Урен.), *прамнук* (Ветл., Сем., Сосн., Урен.) и *промнук* (Ков.) «правнук».

Как видно из представленных примеров, территориальное распространение лексем с подобным изменением по большей части сосредоточено в говорах нижегородского севера. Исключением являются слова *мнук* и *мнучка*, которые широко представлены в русских народных говорах разных территорий. Кроме того, наши примеры показывают, что практически во всех случаях сочетания, подвергшиеся ассимилятивному изменению, образовались в результате утраты *ъ* или *ь* на стыке морфем, когда произошло слияние двух слогов в один, где согласные в новом сочетании должны были приспособиться друг к другу (ср. др.-русск. *вънукъ*, *вънимати*, *давънии* и т.д.). С подобным же изменением отмечаются и диалектно-просторечные образования деепричастных форм типа *выпишии, сделамии*.

Безусловно, реализация лексикализованных нерегулярных фонетических явлений в русских народных говорах Нижегородской области не исчерпывается вышеописанными случаями. Воплощение нерегулярных изменений, причины их появления и способы закрепления в диалектах гораздо более многочисленны и разнообразны. Однако значительная часть подобных лексем в своей звуковой оболочке отражает процесс стирания некоторых регулярных диалектных фонетических явлений, когда они проявляются уже не в определенной фонетической позиции, а маркируют новое слово в системе диалекта.

Примечание

1. Сокращения: Б.-Болд. – Большеболдинский, Б.-Мур. – Большемурашкинский, Балах. – Балахнинский, Богор. – Богородский, Бор. – Борский, Бут. – Бутурлинский, Вад. – Вадский, Варн. – Варнавинский, Ветл. – Ветлужский, Ворот. – Воротынский, Воскр. – Воскресенский, Выкс. – Выксунский, Гор. – Городецкий, Див. – Дивеевский, Кн. – Княгининский, Ков. – Ковернинский, Кр.-Бак. – Краснобаков-

ский, Лыск. – Лысковский, Нав. – Навашинский, Поч. – Починковский, Сем. – Семеновский, Серг. – Сергачский, Сосн. – Сосновский, Спас. – Спасский, Тонк. – Тонкинский, Урен. – Уренский, Чкал. – Чкаловский, Шар. – Шарангский, Шатк. – Шатковский, Шахун. – Шахунский.

Список литературы

1. Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Русские народные говоры как национальное богатство и необходимость новой культурно-языковой политики в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/derzhava/rm_awards/awards0002.html (дата обращения 11.03.2011).

2. Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. 2000. № 5. С. 63–91.

3. Коготкова Т.С. Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 104–152.

4. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (По материалам лингвистической географии) / Под ред. В.Г. Орловой. – М.: Наука, 1970. 456 с.

5. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1949. 336 с.

6. Русская диалектология / Под ред. П.С. Кузнецова. М.: Просвещение, 1973. 279 с.

**THE LOSS OF REGULARITY IN THE MANIFESTATION
OF A DIALECT PHONETIC PHENOMENON AS THE CAUSE OF LEXICALIZATION
(based on the material of Nizhni Novgorod dialects)**

I.V. Tolkacheva

The article considers one of the causes of the lexicalized irregular phonetic phenomena occurrence in Russian dialects. The lexicalized dialect word form is often a reflection of the process of loss of regularity by the phonetic phenomenon.

Keywords: dialect phonetics, irregular changes, lexicalization.